

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ*

Светлана Евгеньевна ШИПИЦЫНА

кандидат экономических наук,
доцент кафедры предпринимательства и экономической безопасности,
Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ),
Пермь, Российская Федерация
sv-in-sure@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8610-756X>
SPIN-код: 4614-5484

История статьи:

Рег. № 469/2020
Получена 11.08.2020
Получена в
доработанном виде
28.08.2020
Одобрена 10.09.2020
Доступна онлайн
15.10.2020

УДК 369

JEL: I38, J11, J14, J26,
J32

Ключевые слова:

пенсионный возраст,
пенсия, ожидаемая
продолжительность
жизни, занятость
населения, безработица

Аннотация

Предмет. Российская система обязательного пенсионного страхования. Пенсионный возраст как объективный производный социально-экономический показатель, который зависит от фактического состояния и потенциала экономики в стране и в регионах.

Цели. Предложить методические подходы к оценке регионального аспекта пенсионного страхования и обеспечения, показать высокую степень дифференциации в развитии системы обязательного пенсионного страхования в российских регионах.

Методология. Использован интегральный метод факторного анализа, выделены демографические, социально-экономические и финансовые факторы.

Результаты. На примере выбранных российских регионов показаны значительные различия в экономическом потенциале с точки зрения повышения пенсионного возраста. Доказано, что имеется существенный разброс между максимальными и минимальными значениями показателей, отражающих состояние пенсионной системы в российских регионах.

Выводы. Авторский алгоритм оценки готовности региона к повышению пенсионного возраста может быть использован для любого субъекта РФ. Апробация этой методики приобретает исключительное значение в условиях надвигающегося экономического коллапса в регионах из-за последствий пандемии COVID-19, которые усилят негативный эффект от повышения пенсионного возраста.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2020

Для цитирования: Шипицына С.Е. Оценка экономического потенциала для повышения пенсионного возраста в российских регионах // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18, № 10. – С. 1820 – 1838.
<https://doi.org/10.24891/re.18.10.1820>

Резонанс от новаций в пенсионной системе, касающихся повышения пенсионного возраста, продолжает усиливаться, но уже не через публичные выступления официальных лиц, общественных деятелей и населения, а через практическое

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 20-010-00100 «Гармонизация триады «население–власть–бизнес» как основа поступательного социально-экономического развития регионов России».

преломление поправок к пенсионному законодательству, вступивших в действие с января 2019 г.

В научной публицистике появились статьи, где изложены мнения о реформировании системы обязательного пенсионного страхования (ОПС). В большинстве случаев исследования направлены на обоснование необходимости и оценку последствий повышения пенсионного возраста в России, и на эту тему полемизируют А.Л. Кудрин, Е.Т. Гурвич, М.А. Иванова [1, 2], Ю.М. Горлин и соавторы [3], Е.В. Чистова, В.П. Чичканов [4], Л.В. Трункина, Т.В. Телятникова [5], Г.С. Широкалова [6]. Проблемы взаимосвязи пенсионной системы и макроэкономических показателей рассмотрены в работах А.К. Соловьева¹, Д.Р. Песковой, М.В. Куликова [7], влияние пенсионной реформы на трудовые отношения анализируют Е.А. Елфимова, А.В. Буянова [8], а политические аспекты пенсионных преобразований отражены в работах В.А. Ильина, М.В. Морева [9], А.Б. Любнина [10], А.А. Широва², В.В. Потапенко, С.А. Будько [11]. Особый интерес вызывают исследования последствий пенсионной реформы в российских регионах, проведенные В.В. Гуцом и Е.М. Прошиной [12]. На наш взгляд, наивысшая объективность оценок состояния современной пенсионной системы и последствий ее реформирования будет обеспечена лишь при всестороннем ситуационном анализе в российских регионах, поэтому актуализируется задача разработки методических подходов к оценке регионального аспекта системы пенсионного страхования и обеспечения в России.

Реформирование пенсионной системы современной России началось в 1992 г. с трансформации советских принципов и заменой их на рыночные, страховые. Основные направления реформирования и результаты на 2020 г. отражены на *рис. 1*. Наиболее ощутимой модификацией российской пенсионной системы стало повышение пенсионного возраста. Основной целью повышения пенсионного возраста, по утверждению Правительства РФ, является борьба с бедностью российских пенсионеров. Это отражено в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации, где сформулированы следующие цели:

- гарантирование социально приемлемого уровня пенсионного обеспечения;
- обеспечение сбалансированности и долгосрочной финансовой устойчивости пенсионной системы³.

Для достижения обозначенных целей установлены социальные ориентиры, например, по размеру пенсии:

¹ Соловьев А.К. Пенсионная реформа. Иллюзии и реальность. М.: Проспект, 2015. 330 с.

² Широков А.А., Потапенко В.В. О справедливой пенсионной реформе // Эксперт. 2018. № 24. С. 52–53.

³ Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации.
URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/7>

- обеспечение коэффициента замещения трудовой пенсией по старости до 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате;
- обеспечение среднего размера трудовой пенсии по старости не менее 2,5–3 прожиточных минимумов пенсионера.

Ранее мы отмечали, что пенсионный возраст – это не просто законодательно установленная величина, а объективный производный социально-экономический показатель, который наряду с другими макроэкономическими показателями обеспечивает сбалансированность и финансовую устойчивость пенсионной системы, зависит от состояния экономики, социального развития и качества жизни в государстве [13].

Система государственного обязательного пенсионного страхования (ОПС) подчиняется федеральной власти, изменения в пенсионном законодательстве принимаются Государственной Думой, Правительством и распространяются на все население и все территории страны. Во всех оценках системы ОПС, в том числе в аспекте повышения пенсионного возраста, учтены статистические среднероссийские социально-экономические показатели. Однако в силу значительной географической протяженности и неравномерного социально-экономического развития российских регионов повышение пенсионного возраста может иметь неоднозначные последствия для различных территорий страны. Для объективного сравнения положения пенсионеров в разных регионах и определения состояния финансовой устойчивости пенсионной системы предлагается авторский алгоритм оценки экономического потенциала региона с точки зрения повышения пенсионного возраста.

Используя интегральный метод факторного анализа, предлагаем выделить основные, при обеспечении пенсионных прав, демографические, социально-экономические и финансовые факторы. Сформируем три модуля показателей: демографический, качество (структура) населения и уровень жизни (*табл. 1*).

Важнейшим для оценки пенсионных рисков является демографический компонент, и здесь важно определить, какова вероятность в регионе дожить до пенсионного возраста и каков период дожития после получения пенсионных прав. В демографическом модуле оцениваются показатели общей ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ) в регионе и ожидаемой продолжительности предстоящей жизни (ОППЖ), причем отдельно по мужчинам 60 лет и женщинам 55 лет (прежний пенсионный возраст). Коэффициент по демографическому модулю рассчитывается как произведение производных от соотношения фактического значения показателя по региону к среднероссийскому показателю за период (1):

$$K_D = \frac{D_{1\text{ регион}}}{D_{1\text{ РФ}}} \cdot \frac{D_{2\text{ муж. регион}}}{D_{2\text{ муж. РФ}}} \cdot \frac{D_{2\text{ жен. регион}}}{D_{2\text{ жен. РФ}}}, \quad (1)$$

где D_1 – ожидаемая продолжительность жизни при рождении; D_2 – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни.

Существенное значение для обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы имеет состояние экономики в регионе, а именно уровень занятости, безработицы и степень пенсионной нагрузки на работающее население. Показатели в модуле «качество (структура) населения» позволят оценить для потенциальных пенсионеров возможность зарабатывать будущую пенсию. Кроме того, уровень безработицы показывает наличие или отсутствие рабочих мест, в том числе для предпенсионеров – категории населения, которая появилась после повышения пенсионного возраста. Коэффициент по модулю «качество населения» рассчитывается как произведение производного от отношения фактического значения показателя занятости по региону к среднероссийскому показателю за период и производных от обратного отношения среднероссийского показателя уровня безработицы и пенсионной нагрузки к фактическому значению этих показателей в регионе (2):

$$K_K = \frac{H_{1\text{ регион}}}{H_{1\text{ РФ}}} \cdot \frac{H_{2\text{ РФ}}}{H_{2\text{ регион}}} \cdot \frac{D_{3\text{ РФ}}}{D_{3\text{ регион}}}, \quad (2)$$

где H_1 – доля занятых, %; H_2 – доля пенсионеров, %; H_3 – уровень безработицы, %.

Уровень жизни пенсионеров оценивается через сравнение региональных показателей средней заработной платы как исходной величины для будущей пенсии, размера средней пенсии и установленного прожиточного минимума пенсионера (ПМП) со среднероссийскими показателями (3):

$$K_Y = \frac{Y_{1\text{ регион}}}{Y_{1\text{ РФ}}} \cdot \frac{Y_{2\text{ регион}}}{Y_{2\text{ РФ}}} \cdot \frac{D_{3\text{ регион}}}{D_{3\text{ РФ}}}, \quad (3)$$

где Y_1 – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.; Y_2 – средний размер назначенных пенсий (без фиксированной выплаты), руб.; Y_3 – величина прожиточного минимума пенсионера (ПМП), учитываемая в целях установления социальной доплаты к пенсии, руб.

Значение интегрального показателя по региону за период рассчитывается как произведение модульных коэффициентов (4):

$$P_I = K_D \cdot K_K \cdot K_Y, \quad (4)$$

где K_D – коэффициент по модулю «демография»; K_K – коэффициент по модулю «качество населения»; K_Y – коэффициент по модулю «уровень жизни пенсионеров».

Нормативное значение интегрального показателя равно 1. Это свидетельствует, что положение пенсионеров и состояние системы ОПС в регионе соответствуют среднероссийскому уровню. Если значение выше 1, то уровень социального положения пенсионеров в регионе высокий; значения от 0,85 до 1 соответствуют хорошему уровню; от 0,5 до 0,85 – удовлетворительному; менее 0,5 – низкому.

Далее апробируем предложенный методический подход для оценки положения пенсионеров в некоторых российских регионах, а также проведем мониторинг предпосылок и последствий повышения пенсионного возраста на этих территориях. Выберем один регион – представитель в каждом федеральном округе (ФО). Автор преследовал цель показать высокую степень дифференциации состояния системы ОПС в регионах, поэтому в качестве представителей выбраны регионы с высокими или низкими показателями – Москва (высокие социально-экономические показатели), Республика Дагестан (высокая ожидаемая продолжительность жизни), Республика Саха (Якутия) (высокие заработная плата и пенсии). Также выбраны регионы, замыкающие российский рейтинг по продолжительности жизни (в частности, Республика Тыва), крупные старопромышленные регионы (в частности, Пермский край, Свердловская область). Оцениваемый период (2017–2018 гг.) – это время, предшествующее принятию Правительством РФ решения о повышении пенсионного возраста.

В табл. 2 представлены социально-экономические показатели за период 2017–2018 гг. для оценки системы ОПС, сгруппированные по трем модулям. Анализ показателей демографического модуля по российским регионам свидетельствует, что в 2018 г. в 18 субъектах РФ (21% от общего числа) общая продолжительность жизни при рождении снизилась. В основном это густонаселенные регионы Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Уральского, Дальневосточного федеральных округов, среди которых Ивановская, Орловская, Волгоградская, Ульяновская, Пензенская, Кировская, Курганская, Сахалинская, Кемеровская области, Республика Карелия, Республика Алтай, Пермский край. Кроме того, в 2018 г. не было предпосылок для повышения пенсионного возраста для мужчин еще в 30 регионах (35%), причем в 14 из них (16% от общего числа) продолжительность жизни при рождении ниже 65 лет, в 16 (19% от общего числа) – 65 лет. Таким образом, более 30% мужчин в России не доживут до нового установленного пенсионного возраста. Аналогичные результаты мы получили при анализе общей продолжительности предстоящей жизни для мужчин 60 лет и женщин 55 лет. В 22 российских регионах (26% от общего числа) этот показатель снизился для мужчин, а в 14 регионах (15% от общего числа) продолжительность предстоящей жизни сократилась для женщин.

По рассматриваемым регионам отрицательная динамика по ОПЖ выявлена в Москве, Республике Карелия, Пермском крае, по ОППЖ мужчин – в Ростовской области и Республике Тыва, по ОППЖ женщин – в Свердловской области и Республике Тыва (табл. 2).

Модульные коэффициенты по демографическим показателям по этим регионам рассчитаны и показаны в *табл. 3*. Расчеты показали, что благоприятная демографическая ситуация (превышение среднероссийских показателей) сложилась в Москве и Республике Дагестан. Соответствие среднероссийским показателям фиксируется в Ростовской области и Республике Саха (Якутия). В остальных регионах ситуация сложнее, а самые низкие показатели отмечены в Республике Тыва.

Следующий модуль оценки ОПС в регионах включает показатели, отражающие качество (структуру) населения (*табл. 4*). Для повышения пенсионного возраста необходимыми условиями являются высокая занятость населения и низкий уровень безработицы, так как граждане предпенсионного возраста остаются на рабочих местах и продолжают трудиться. Общий обзор регионов показал, что неудовлетворительная структура населения сформировалась, прежде всего, в регионах Северо-Кавказского ФО. Это регионы характеризуются самой высокой рождаемостью и ожидаемой продолжительностью жизни, низкой занятостью и высоким уровнем безработицы. По итогам 2018 г. безработица в Республике Ингушетия превысила 26%, уровень безработицы в Чеченской, Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской Республиках составил более 13%, в Республике Дагестан и в Республике Северная Осетия – более 10%.

Низким уровнем занятости населения и безработицей более 10% характеризуются также Республики Алтай, Тыва, Забайкальский край.

По исследуемым регионам структура населения, благоприятная для повышения пенсионного возраста, сложилась только в Москве, где совокупный индекс превышает 5 баллов (*табл. 4*). Приемлемая структура населения наблюдается в Ростовской, Свердловской областях, в Пермском крае, в Республике Саха (Якутия.) В других анализируемых регионах повышение пенсионного возраста усугубит напряженность на рынке труда.

Уровень жизни пенсионеров в регионе – это результат, производный от достигнутого уровня социально-экономического развития в регионе. Существует прямо пропорциональная зависимость уровня жизни пенсионеров от средней заработной платы. Эту тенденцию демонстрируют субъекты РФ, в которых заработная плата выше, чем в среднем по стране: Москва и Республика Саха (Якутия). В этих регионах совокупный индекс уровня жизни пенсионеров составил чуть менее 3 и более 3,5 соответственно (*табл. 5*). Модульный коэффициент выше 1 получен для Республики Карелия, но в данном случае это не закономерность, а исключение, объясняемое «северными доплатами».

Минимальный коэффициент среди оцениваемых регионов получен в Республике Дагестан: в 2017 г. – 0,44, в 2018 г. – 0,47 (*табл. 5*). Это свидетельствует о низком уровне жизни пенсионеров и еще раз доказывает, что приоритетным аспектом

реформирования пенсионной системы и повышения пенсионного возраста является не продолжительность жизни, а уровень социально-экономического развития в регионе и стране в целом, и тем менее убедительными становятся обозначенные в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации социальные ориентиры в борьбе с бедностью среди пенсионеров. Например, коэффициент замещения, который рассчитывается как отношение средней пенсии к средней заработной плате в регионе, достигает нормативного значения и даже превышает его в регионах с уровнем жизни ниже среднероссийского – это Республики Карелия, Дагестан, Тыва, Ростовская область, Пермский край (*табл. 6*). Аналогичный результат получен при определении отношения средней пенсии к прожиточному минимуму пенсионера (ПМП). Автор настоящего исследования не отрицает возможности использования показателя ПМП, но только не для оценки уровня жизни пенсионеров.

Комплексная оценка состояния системы обязательного пенсионного страхования в рассматриваемых регионах представлена в *табл. 7*. Отображенные результаты свидетельствуют о значительной степени дифференциации в уровне развития системы ОПС и положении пенсионеров в российских регионах. По итогам 2018 г. получен широкий разброс результатов – от 23,73 до 0,16 балла (148 раз). Согласно предложенной шкале оценки, к регионам с высоким уровнем жизни пенсионеров (выше 1), с достигнутой степенью готовности к повышению пенсионного возраста относятся Москва и Республика Саха (Якутия). В эту же группу с большой вероятностью можно включить такие регионы, как Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, где уровень занятости и продолжительность жизни выше, чем в среднем по России.

Хороший уровень развития системы ОПС показала Свердловская область (0,85–1), удовлетворительный уровень (0,5–0,85) – Республика Карелия, Ростовская область, Пермский край. Можно предположить, что большинство российских регионов по предложенному алгоритму оценки попадет в эту группу.

Низкий уровень (ниже 0,5) продемонстрировали Республики Тыва, Дагестан. Эту группу, на наш взгляд, дополняют большинство регионов Северо-Кавказского, Южного федеральных округов, часть регионов Центрального федерального округа.

Таким образом, на примере некоторых российских регионов нами показано существенное различие в социально-экономическом развитии, в состоянии системы ОПС и положении пенсионеров. В отдельных случаях существует огромный разрыв между максимальными и минимальными значениями показателей, отражающих состояние пенсионной системы в российских регионах. В первую очередь, это касается предпосылок к повышению пенсионного возраста и последствиям таких действий.

Российская пенсионная система – это сложный, многогранный механизм, являющийся отражением территориального, социального, экономического и национального многообразия страны. Этот механизм базируется на обширной нормативно-законодательной базе, а сложная система его финансирования отличается тем, что финансовые притоки и оттоки зависят от многочисленных демографических и финансово-экономических факторов.

В данной статье предложен универсальный методический подход к оценке состояния системы ОПС в регионе, готовности к повышению пенсионного возраста и соответствующих последствий. Авторский алгоритм оценки может быть использован для любого субъекта РФ. Апробация этой методики приобретает исключительное значение в условиях надвигающегося экономического коллапса в регионах, связанного с распространением COVID-19. Несомненно, пандемия COVID-19кратно усилит негативные последствия повышения пенсионного возраста, особенно в регионах, изначально не готовых к такому реформированию, где пенсионная реформа обречена на самодискредитацию.

Таблица 1

Модули оценки системы обязательного пенсионного страхования в регионе

Table 1

Modules for assessing the compulsory pension insurance scheme in the region

Модуль	Показатели
Демография	Д ₁ – ожидаемая продолжительность жизни при рождении в регионе, лет
	Д ₂ – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни в регионе, лет (для мужчин в возрасте 60 лет и для женщин в возрасте 55 лет)
	Н ₁ – доля занятых в регионе, %
Качество населения	Н ₂ – доля пенсионеров, %
	Н ₃ – уровень безработицы, %
Уровень жизни пенсионеров	У ₁ – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.
	У ₂ – средний размер назначенных пенсий (без фиксированной выплаты), руб.
	У ₃ – величина прожиточного минимума пенсионера в целях установления социальной доплаты к пенсии, руб.

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 2

Показатели оценки системы обязательного пенсионного страхования в регионах (2017–2018 гг.)

Table 2

Assessment of the compulsory pension insurance scheme in regions, 2017–2018

Регион, год	Демографический модуль, лет		
	Д ₁	Д _{муж. 60 лет}	Д _{жен. 55 лет}
Центральный ФО, Москва, 2017 г.	77,87	21,46	28,9
Центральный ФО, Москва, 2018 г.	77,84	21,48	29,03
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2017 г.	70,65	14,93	25,17
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2018 г.	70,56	15,07	25,46
Южный ФО, Ростовская область, 2017 г.	73,03	16,74	25,81
Южный ФО, Ростовская область, 2018 г.	73,21	16,62	25,84

Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	77,79	20,34	27,7
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2018 г.	78,69	20,84	28,48
Приволжский ФО, Пермский край, 2017 г.	70,79	15,16	25,47
Приволжский ФО, Пермский край, 2018 г.	70,72	15,14	25,56
Уральский ФО, Свердловская область, 2017 г.	71,23	15,52	26,04
Уральский ФО, Свердловская область, 2018 г.	71,29	15,55	25,99
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2017 г.	66,29	14,43	22,8
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2018 г.	66,47	13,64	22,32
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2017 г.	71,68	16,57	25,7
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2018 г.	72,72	16,82	26,3
Российская Федерация 2017 г.	72,7	16,46	26,14
Российская Федерация 2018 г.	72,91	16,56	26,28

Продолжение

Регион, год	Качество населения, %		
	Н ₁ (занятость)	Н ₂ (пенсионеры)	Н ₃ (безработица)
Центральный ФО, Москва, 2017 г.	66,6	24,4	1,4
Центральный ФО, Москва, 2018 г.	67,4	24,6	1,2
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2017 г.	55,8	38,2	8,6
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2018 г.	54,8	38,5	8,7
Южный ФО, Ростовская область, 2017 г.	56,6	31,1	5,6
Южный ФО, Ростовская область, 2018 г.	56,9	31,3	5,1
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	52,8	21,9	12
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2018 г.	53,5	22,1	11,6
Приволжский ФО, Пермский край, 2017 г.	56,2	30,5	6
Приволжский ФО, Пермский край, 2018 г.	56,2	30,8	5,4
Уральский ФО, Свердловская область, 2017 г.	57,8	31,2	5,5
Уральский ФО, Свердловская область, 2018 г.	57,8	31,4	4,8
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2017 г.	48,7	25,8	18,3
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2018 г.	50,8	25,9	14,8
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2017 г.	63	28,4	7,1
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2018 г.	63,3	28,5	6,9
Российская Федерация 2017 г.	59,5	29,4	5,2
Российская Федерация 2018 г.	59,8	29,6	4,8

Продолжение

Регион, год	Уровень жизни пенсионеров, руб.		
	У ₁ (зароботная плата)	У ₂ (пенсия)	У ₃ (прожиточный минимум пенсионера)
Центральный ФО, Москва, 2017 г.	73 812	14 410	11 561
Центральный ФО, Москва, 2018 г.	83 801	15 204	11 816
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2017 г.	34 434	16 386	8 540
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2018 г.	39 402	17 325	8 726
Южный ФО, Ростовская область, 2017 г.	28 500	12 122	8 488
Южный ФО, Ростовская область, 2018 г.	31 448	12 845	8 488
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	21 941	10 298	8 374
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2018 г.	25 155	10 903	8 680
Приволжский ФО, Пермский край, 2017 г.	32 952	13 250	8 473
Приволжский ФО, Пермский край, 2018 г.	35 802	14 070	8 503

Уральский ФО, Свердловская область, 2017 г.	34 760	13 834	8 540
Уральский ФО, Свердловская область, 2018 г.	38 052	14 648	8 726
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2017 г.	31 251	12 615	8 540
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2018 г.	35 779	13 450	8 726
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2017 г.	62 206	18 005	13 807
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2018 г.	68 871	18 901	13 951
Российская Федерация, 2017 г.	39 167	13 323	8 540
Российская Федерация, 2018 г.	43 724	14 102	8 726

Источник: авторская разработка по данным: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205?print=1>

Source: Authoring, based on *Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation].

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205?print=1> (In Russ.)

Таблица 3

Модуль «демография» (2017–2018 гг.)

Table 3

Module Demography, 2017–2018

Регион, год	КД ₁	КД _{муж. 60 лет}	КД _{жен. 55 лет}	КД
Центральный ФО, г. Москва, 2017 г.	1,07	1,3	1,1	1,53
Центральный ФО, г. Москва, 2018 г.	1,07	1,3	1,1	1,53
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2017 г.	0,97	0,91	0,96	0,85
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2018 г.	0,97	0,91	0,98	0,87
Южный ФО, Ростовская область, 2017 г.	1	1,02	0,99	1
Южный ФО, Ростовская область, 2018 г.	1	1	0,98	0,98
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	1,07	1,24	1,06	1,41
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	1,08	1,26	1,08	1,47
Приволжский ФО, Пермский край, 2017 г.	0,97	0,92	0,97	0,87
Приволжский ФО, Пермский край, 2018 г.	0,97	0,91	0,97	0,86
Уральский ФО, Свердловская область, 2017 г.	0,98	0,94	1	0,92
Уральский ФО, Свердловская область, 2018 г.	0,98	0,94	0,99	0,91
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2017 г.	0,91	0,88	0,87	0,7
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2018 г.	0,91	0,82	0,85	0,63
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2017 г.	0,99	1	0,98	0,97
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2018 г.	1	1,01	1,01	1,02

Источник: авторская разработка по данным: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205?print=1>

Source: Authoring, based on *Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation].

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205?print=1> (In Russ.)

Таблица 4**Модуль «качество населения» (2017–2018 гг.)****Table 4****Module Quality of Population, 2017–2018**

Регион, год	К _{занятость}	К _{доля пенсионеров}
Центральный ФО, г. Москва, 2017 г.	1,12	1,21
Центральный ФО, г. Москва, 2018 г.	1,13	1,2
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2017 г.	0,94	0,77
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2018 г.	0,92	0,77
Южный ФО, Ростовская область, 2017 г.	0,95	0,95
Южный ФО, Ростовская область, 2018 г.	0,95	0,95
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	0,89	1,34
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	0,89	1,34
Приволжский ФО, Пермский край, 2017 г.	0,95	0,96
Приволжский ФО, Пермский край, 2018 г.	0,94	0,96
Уральский ФО, Свердловская область, 2017 г.	0,97	0,94
Уральский ФО, Свердловская область, 2018 г.	0,97	0,95
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2017 г.	0,82	1,14
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2018 г.	0,85	1,14
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2017 г.	1,06	1,04
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2018 г.	1,06	1,04

Продолжение

Регион, год	К _{безработица}	К _{качество населения}
Центральный ФО, г. Москва, 2017 г.	3,7	5,01
Центральный ФО, г. Москва, 2018 г.	4	5,24
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2017 г.	0,6	0,43
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2018 г.	0,55	0,39
Южный ФО, Ростовская область, 2017 г.	0,93	0,84
Южный ФО, Ростовская область, 2018 г.	0,94	0,85
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	0,43	0,51
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	0,41	0,49
Приволжский ФО, Пермский край, 2017 г.	0,87	0,79
Приволжский ФО, Пермский край, 2018 г.	0,89	0,8
Уральский ФО, Свердловская область, 2017 г.	0,95	0,86
Уральский ФО, Свердловская область, 2018 г.	1	0,92
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2017 г.	0,28	0,26
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2018 г.	0,32	0,31
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2017 г.	0,73	0,81
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2018 г.	0,7	0,77

Источник: авторская разработка по данным: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205?print=1>

Source: Authoring, based on *Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation].

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205?print=1> (In Russ.)

Таблица 5**Модуль «уровень жизни пенсионеров» (2017–2018 гг.)****Table 5****Module Standard of Living of Pensioners, 2017–2018**

Регион, год	К _{заработная плата}	К _{пенсия}
Центральный ФО, г. Москва, 2017 г.	1,89	1,12
Центральный ФО, г. Москва, 2018 г.	1,92	1,14
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2017 г.	0,88	1,27
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2018 г.	0,9	1,73
Южный ФО, Ростовская область, 2017 г.	0,73	0,94
Южный ФО, Ростовская область, 2018 г.	0,72	0,96
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	0,56	0,8
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	0,58	0,82
Приволжский ФО, Пермский край, 2017 г.	0,84	1,03
Приволжский ФО, Пермский край, 2018 г.	0,82	1,05
Уральский ФО, Свердловская область, 2017 г.	0,89	1,07
Уральский ФО, Свердловская область, 2018 г.	0,87	1,1
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2017 г.	0,8	0,98
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2018 г.	0,82	1,01
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2017 г.	1,58	1,4
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2018 г.	1,58	1,42

Продолжение

Регион, год	К _{прожиточный минимум пенсионера}	К _{уровень жизни пенсионеров}
Центральный ФО, г. Москва, 2017 г.	1,35	2,86
Центральный ФО, г. Москва, 2018 г.	1,35	2,96
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2017 г.	1	1,11
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2018 г.	1	1,56
Южный ФО, Ростовская область, 2017 г.	0,99	0,68
Южный ФО, Ростовская область, 2018 г.	0,97	0,67
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	0,98	0,44
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	0,99	0,47
Приволжский ФО, Пермский край, 2017 г.	0,99	0,86
Приволжский ФО, Пермский край, 2018 г.	0,97	0,84
Уральский ФО, Свердловская область, 2017 г.	1	0,95
Уральский ФО, Свердловская область, 2018 г.	1	0,96
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2017 г.	1	0,78
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2018 г.	1	0,83
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2017 г.	1,62	3,58
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2018 г.	1,6	3,59

Источник: авторская разработка по данным: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205?print=1>

Source: Authoring, based on *Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation].

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205?print=1> (In Russ.)

Таблица 6
Некоторые характеристики уровня жизни пенсионеров

Table 6
Some characteristics of the standard of living of pensioners

Регион, год	Коэффициент замещения, %	Отношение пенсии к прожиточному минимуму пенсионера, раз
Центральный ФО, г. Москва, 2017 г.	19,5	1,3
Центральный ФО, г. Москва, 2018 г.	18,1	1,3
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2017 г.	47,6	1,92
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2018 г.	44	1,99
Южный ФО, Ростовская область, 2017 г.	42,5	1,43
Южный ФО, Ростовская область, 2018 г.	40,9	1,5
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	46,9	1,2
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2018 г.	43,3	1,3
Приволжский ФО, Пермский край, 2017 г.	40,2	1,6
Приволжский ФО, Пермский край, 2018 г.	39,3	1,6
Уральский ФО, Свердловская область, 2017 г.	39,8	1,6
Уральский ФО, Свердловская область, 2018 г.	38,5	1,7
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2017 г.	40,4	1,5
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2018 г.	37,6	1,5
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2017 г.	28,9	1,3
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2018 г.	27,4	1,4
Российская Федерация, 2017 г.	32,9	1,5
Российская Федерация, 2018 г.	30,6	1,5

Примечание. Нормативное значение коэффициента замещения – 40%. Нормативное значение отношения пенсии к прожиточному минимуму пенсионера – от 2,5 до 3.

Источник: авторская разработка по данным: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205?print=1>

Source: Authoring, based on *Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation].

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205?print=1> (In Russ.)

Таблица 7
Комплексная оценка системы обязательного пенсионного страхования

Table 7
Comprehensive assessment of the compulsory pension insurance scheme

Регион, год	К _{демография}	К _{качество населения}
Центральный ФО, г. Москва, 2017 г.	1,53	5,01
Центральный ФО, г. Москва, 2018 г.	1,53	5,24
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2017 г.	0,85	0,43
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2018 г.	0,87	0,39
Южный ФО, Ростовская область, 2017 г.	1	0,84
Южный ФО, Ростовская область, 2018 г.	0,98	0,85
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	1,41	0,51
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2018 г.	1,47	0,49
Приволжский ФО, Пермский край, 2017 г.	0,87	0,79
Приволжский ФО, Пермский край, 2018 г.	0,86	0,8
Уральский ФО, Свердловская область, 2017 г.	0,92	0,86
Уральский ФО, Свердловская область, 2018 г.	0,91	0,92
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2017 г.	0,7	0,26
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2018 г.	0,63	0,31
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2017 г.	0,97	0,81
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2018 г.	1,02	0,77

Продолжение

Регион, год	К _{уровень жизни}	Итоговый балл
Центральный ФО, г. Москва, 2017 г.	2,86	21,9
Центральный ФО, г. Москва, 2018 г.	2,96	23,73
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2017 г.	1,11	0,41
Северо-Западный ФО, Республика Карелия, 2018 г.	1,56	0,53
Южный ФО, Ростовская область, 2017 г.	0,68	0,57
Южный ФО, Ростовская область, 2018 г.	0,67	0,56
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2017 г.	0,44	0,32
Северо-Кавказский ФО, Республика Дагестан, 2018 г.	0,47	0,34
Приволжский ФО, Пермский край, 2017 г.	0,86	0,59
Приволжский ФО, Пермский край, 2018 г.	0,84	0,58
Уральский ФО, Свердловская область, 2017 г.	0,95	0,75
Уральский ФО, Свердловская область, 2018 г.	0,96	0,8
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2017 г.	0,78	0,14
Сибирский ФО, Республика Тыва, 2018 г.	0,83	0,16
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2017 г.	3,58	2,8
Дальневосточный ФО, Республика Саха (Якутия), 2018 г.	3,59	2,82

Источник: авторская разработка по данным: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205?print=1>

Source: Authoring, based on *Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation].

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205?print=1> (In Russ.)

Рисунок 1

Основные направления пенсионной реформы 1992–2030 гг.

Figure 1

The main areas of pension reform of 1992–2030

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52–79.
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-52-79>
2. Гурвич Е.Т., Иванова М.А. Экономический эффект старения населения и пенсионных реформ // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2018. № 5. С. 9–22.
URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2018-5-9-22>
3. Горлин Ю.М., Гришина Е.Е., Ляшок В.Ю., Федоров В.В. Повышение пенсионного возраста: опыт зарубежных стран и оценка эффектов для России // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 6. С. 85–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-pensionnogo-vozrasta-opyt-zarubezhnyh-stran-i-otsenka-effektov-dlya-rossii/viewer>
4. Чистова Е.В., Чичканов В.П. Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на демографическую структуру России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 3. С. 121–137.
URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.3.45.7>
5. Трункина Л.В., Телятникова Т.В. Демографические процессы и пенсионная реформа: взаимосвязь и взаимообусловленность // Экономика труда. 2019. Т. 6. № 3. С. 1193–1202. URL: <https://doi.org/10.18334/et.6.3.41054>
6. Широкалова Г.С. Пенсионная реформа как фактор разрушения «большой семьи» // Logos et Praxis. 2018. Т. 17. №. 2. С. 111–122.
URL: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.2.11>
7. Пескова Д.Р., Куликов М.В. Пенсионная реформа РФ в разрезе макроэкономических преобразований // Фундаментальные исследования. 2019. № 6. С. 126–131.
URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42497>
8. Елфимова Е.А., Буянова А.В. Новая пенсионная реформа: бремя или панацея для сторон трудовых отношений // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 10. Ч. 2. С. 59–61.
URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2019.88.10.035>
9. Ильин В.А., Морев М.В. Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 9–34.
URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.1>

10. Любинин А.Б. Пенсионная реформа: из «тени» в «тень» // *Российский экономический журнал*. 2018. № 5. С. 26–42.
11. Будько С.А. Формальные условия сбалансированности распределительной пенсионной системы // *Baikal Research Journal*. 2016. Т. 7. № 2.
URL: [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(2\).5](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(2).5)
12. Гуц В.В., Прошина Е.М. Пенсионная реформа: взгляд из регионов // *Управленческое консультирование*. 2018. № 11. С. 156–165.
URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-11-156-165>
13. Куклин А.А., Шипицына С.Е. От теории к практике актуарного оценивания пенсионных рисков России // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 716–731. URL: <https://doi.org/10.17059/2017-3-7>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

pISSN 2073-1477
eISSN 2311-8733

Region in National Economy

ASSESSING THE ECONOMIC POTENTIAL TO INCREASE THE RETIREMENT AGE IN RUSSIAN REGIONS

Svetlana E. SHIPITSYNA

Perm State National Research University (PSU),
Perm, Russian Federation
sv-in-sure@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8610-756X>

Article history:

Article No. 469/2020
Received 11 August 2020
Received in revised form
28 August 2020
Accepted 10 Sept 2020
Available online
15 October 2020

JEL classification: I38,
J11, J14, J26, J32

Keywords: retirement
age, pension, life
expectancy, employment,
unemployment

Abstract

Subject. This article discusses the further development of the Russian compulsory pension insurance scheme.

Objectives. The article aims to develop methodological approaches to assessing the regional aspect of pension insurance and security, showing a high degree of differentiation in the system's development in Russian regions.

Methods. For the study, I used a factor analysis integral method.

Results. Identifying demographic, socio-economic and financial factors, the article shows a significant variation between the maximum and minimum values of indicators reflecting the state of the pension system in the Russian regions, and significant differences in economic potential in terms of raising the retirement age.

Relevance. The proposed original algorithm for assessing the region's readiness to raise the retirement age can be used for any subject of the Russian Federation. Testing of this technique is of exceptional importance in the face of impending economic collapse in the regions due to the effects of the COVID-19 pandemic, which will increase the negative effect of raising the retirement age.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2020

Please cite this article as: Shipitsyna S.E. Assessing the Economic Potential to Increase the Retirement Age in Russian Regions. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2020, vol. 18, iss. 10, pp. 1820–1838. <https://doi.org/10.24891/re.18.10.1820>

Acknowledgments

The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant № 20-010-00100, *Harmonization of the Triad Population-Power-Business as the Basis of Progressive Socio-Economic Advance of the Regions of Russia*.

References

1. Kudrin A.L., Gurvich E.T. [Population aging and risks of budget crisis]. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 3, pp. 52–79. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-52-79>

2. Gurvich E.T., Ivanova M.A. [Economic effect of population ageing and pension reforms]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Journal*, 2018, no. 5, pp. 9–22. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2018-5-9-22>
3. Gorlin Yu.M., Grishina E.E., Lyashok V.Yu., Fedorov V.V. [Increase in retirement age: Experience of foreign countries and the assessment of the effects for Russia]. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Journal*, 2017, no. 6, pp. 85–97. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-pensionnogo-vozrasta-opyt-zarubezhnyh-stran-i-otsenka-effektov-dlya-rossii/viewer> (In Russ.)
4. Chistova E.V., Chichkanov V.P. [Forecasting the effects of raising the retirement age on Russia's demographic structure]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 3, pp. 121–137. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2016.3.45.7>
5. Trunkina L.V., Telyatnikova T.V. [Demographic processes and pension reform: the relationship and interdependence]. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labour Economics*, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 1193–1202. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.18334/et.6.3.41054>
6. Shirokalova G.S. [Pension reform as a factor in the destruction of the “big family”]. *Logos et Praxis*, 2018, vol. 17, no. 2, pp. 111–122. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.2.11>
7. Peskova D.R., Kulikov M.V. [Pension reform in Russia in terms of macroeconomic transformations]. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*, 2019, no. 6, pp. 126–131. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42497> (In Russ.)
8. Elfimova E.A., Buyanova A.V. [New pension reform: burden or panacea for parties of employment relations]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2019, no. 10, part 2, pp. 59–61. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2019.88.10.035>
9. Ilyin V.A., Morev M.V. [Pension reform and exacerbating issues of the legitimacy of the government]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 9–34. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.1>
10. Lyubinin A.B. [Pension reform: from "shadow" to "shadow"]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*, 2018, no. 5, pp. 26–42. (In Russ.)

11. Bud'ko S.A. [Formal conditions for equation of the unfunded pension scheme]. *Baikal Research Journal*, 2016, vol. 7, no. 2. (In Russ.)
URL: [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(2\).5](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(2).5)
12. Gushch V.V., Proshina E.M. [Pension reform: view from the regions].
Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting, 2018, no. 11,
pp. 156–165. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-11-156-165>
13. Kuklin A.A., Shipitsyna S.E. [Actuarial evaluation of pension risks of Russia: from theory to practice]. *Ekonomika regiona = Economy of Region*, 2017, vol. 13, iss. 3,
pp. 716–731. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.17059/2017-3-7>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.